

УДК 821.161.1-312.9(Камша В. В.). DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-1-123-135.
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

«ХРОНИКИ АРЦИИ» В. КАМШИ В КОНТЕКСТЕ ФЭНТЕЗИЙНОЙ ТРАДИЦИИ КОНЦА XX – XXI ВЕКОВ

Приказчикова Е. Е.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Российская Федерация)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9018-6213>
SPIN-код: 3601-2144

А н н о т а ц и я. Целью статьи является рассмотрение цикла В. Камши «Хроники Арции» в контексте формирования и развития фэнтезийной традиции рубежа веков, включающей в себя фэнтези-тексты как российских (Н. Перумов), так и зарубежных (Дж. Мартин) авторов. В исследовании используются жанрологический, сравнительно-исторический, типологический, мифопоэтический анализы, позволяющие ответить на вопрос, почему именно творчество В. Камши стало знаковым явлением российского литературного процесса XXI в. в жанре фэнтези

При анализе жанровой природы цикла В. Камши выделяются три основные жанровые модели фэнтези (историческое, эпическое, мистическое), синтез которых способствует формированию узнаваемого стиля писательницы, что впоследствии проявилось в ее оригинальном фэнтези-цикле «Отблески Этерны». На реализации в «Хрониках Арции» традиции исторического фэнтези настаивала сама писательница, видя в этой традиции принципиальное отличие своего творчества от творчества Н. Перумова. Автор статьи анализирует черты поэтики магического фэнтези в «Хрониках Арции» с опорой на концепцию профессора К. Госдена, доказывая, что эти черты не только присутствуют в цикле, но и проявляются через вовлечение героев во все три уровня (трансцендентность, трансформация, трансакция) магического бытия.

Переосмысление традиции Н. Перумова при изображении вселенского зла, воплощающего в себе эсхатологические черты бога-деструктора, приводит В. Камшу к созданию принципиально нового образа героя-антагониста в лице Эстель Оскоры, начавшей выполнять уже к концу первой книги цикла «Темная звезда» сотериологические функции. В свою очередь, антропоцентризм русского фэнтези заставил писательницу не только осуществить выбор в пользу героев-людей при активном присутствии в цикле представителей других рас (эльфы, орки), но и сосредоточить особое внимание на проблеме развития их образов и осуществлении ими нравственного выбора между силами Добра и Зла. Помимо этого, В. Камша отказывается от типического героя русского фэнтези 1990-х гг. слайдера-«попаданца», которого заменяют автохтонные герои Тарры (Рене Аррой, Эстель Оскора), находящиеся на втором уровне инициации героя по концепции Дж. Кэмпбелла.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская литература; русские писательницы; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; литературные герои; В. В. Камша; историческое фэнтези; эпическое фэнтези; магическое фэнтези; художественные тексты; Н. Перумов; антропоцентризм; Э. Оскора; инициация героя; сотериологизм

Д л я ц и т и р о в а н и я: Приказчикова, Е. Е. «Хроники Арции» В. Камши в контексте фэнтезийной традиции конца XX – XXI веков / Е. Е. Приказчикова // Филологический класс. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 123–135. – DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-1-123-135.

“THE CHRONICLES OF ARCIA” BY V. KAMSHA IN THE CONTEXT OF THE FANTASY TRADITION OF THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

Elena E. Prikazchikova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russian Federation)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9018-6213>

Abstract. The aim of this article is to examine V. Kamsha’s “Chronicles of Arcia” cycle within the context of the formation and development of the fantasy tradition of the turn of the 21st century, encompassing fantasy fiction texts of both Russian (N. Perumov) and foreign (J. Martin) authors. The study employs genre, comparative-historical, typological, and mythopoetic analyses to answer the question why the creative activity of Kamsha has become a landmark phenomenon of the 21st-century Russian literary process in the genre of fantasy.

While analyzing the genre nature of Kamsha’s cycle, three main fantasy genre models (historical, epic, and mystical) are identified. Their synthesis contributes to the formation of the writer’s easily recognizable style, which later manifested itself in her original fantasy cycle, “The Gleam of Eterna”. The writer herself insisted on realizing the historical fantasy tradition in “The Chronicles of Arcia”, seeing in this tradition a fundamental difference between her work and that of N. Perumov. Drawing on Professor K. Gosden’s conception, the author of the article analyzes the poetics of magical fantasy in “The Chronicles of Arcia”, arguing that these features are not only present in the series but are also manifested through the characters’ engagement in all three levels (transcendence, transformation, and transaction) of magical existence.

Rethinking Perumov’s tradition of depicting the universal evil, embodying the eschatological traits of a god-destroyer, leads Kamsha to the creation of a fundamentally new image of a character-antagonist, Estelle Oskora, who begins to fulfill soteriological functions by the end of the first book of “The Dark Star” series. The anthropocentrism of Russian fantasy, in turn, compelled the writer not only to prefer human characters to the actively present representatives of other races (elves, orcs) in the series, but also to focus special attention on the development of their images and their moral choice between the forces of the Good and the Evil. Further-

more, Kamsha rejects the typical “slider”-time traveler character of the 1990s Russian fantasy, replacing him with autochthonous heroes of Tarra (René Arroy, Estelle Ostorà), who are at the second level of heroic initiation according to J. Campbell’s concept.

Keywords: Russian literature; Russian women-writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary images; literary characters; V. V. Kamsha; historical fantasy; epic fantasy; magical fantasy; literary texts; N. Perumov; anthropocentrism; E. Ostorà; hero initiation; sotériologism

For citation: Prikazchikova, E. E. (2026). “The Chronicles of Arcia” by V. Kamsha in the Context of the Fantasy Tradition of the Late 20th – Early 21st Centuries. In *Philological Class*. Vol. 31. No. 1, pp. 123–135. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-1-123-135.

Введение

В 2009 г. А. Д. Гусарова, оценивая внимание исследователей-филологов к жанру русского фэнтези, писала: «Русская филологическая наука пока что усмотрела во всем спектре существующей фантастической литературы лишь один достойный объект, а именно – творчество английского писателя Дж. Р. Р. Толкина»¹. За последние 15 лет ситуация кардинально изменилась. Творчество десятков отечественных авторов фэнтези-текстов стало объектом пристального внимания филологической науки: М. Семенова, Н. Перумов, Е. Хаецкая, М. Фрай, Г. Олди, М. и С. Дяченко, С. Логинов, С. Лукьяненко, А. Бушков². Наступило время и для Веры Камши.

В. Камшу давно уже не надо представлять российскому читателю. Особенно очевидно это стало после того, как в 2025 г. на экраны вышли 6 серий второго киноварианта ее фэнтези-цикла «Отблески Этерны»³. В этой статье в центре внимания автора окажется первый фэнтезийный цикл писательницы «Хроники Арции» (2001–2003 гг.). Через обращение к традициям жанрологического, сравнительно-исторического, типологического, мифопоэтического анализов будет рассмотрено место «Хроник Арции» в фэнтезийной традиции рубежа XX–XXI вв. Выбор методов анализа обусловлен несколькими задачами, которые ставил перед собой автор в данной статье. Во-первых, необходимость проанализировать отражение в «Хрониках...» нескольких жанровых разновидностей фэнтези-текстов (исторической, эпической, мистической). Во-вторых, желание рассмотреть цикл В. Камши на фоне как отечественной (Н. Перумов), так и зарубежной (Дж. Мартин) фэнтезийной традиции, тем более писательница не скрывала «вторичной» установки своего текста по отношению к творчеству Н. Перумова. В-третьих, особое место в «Хрониках Арции» занимает мистическая составляющая текста, анализ которой позволяет понять, почему черты поэтики мистического фэнтези станут так важны для оригинального творчества писательницы, в тех же «Отблесках Этерны». В-четвертых, особое внимание в статье уделяется персонажному ряду, в центре которого находятся образы протагонистов и антагонистов фэнтези-

текстов. Их борьба составляет основу противостояния Хаоса и Космоса внутри Вторичного мира фэнтези. Рассмотрение этих образов в традициях типологического анализа позволяет объяснить причины антропоцентризма русского фэнтези.

Анализ поэтики «Хроник Арции» как первого большого фэнтезийного проекта писательницы помогает понять дальнейший путь ее творческого развития к «Отблескам Этерны».

Результаты исследования

Формирование фэнтезийной традиции В. Камши. В. Камша рассказывала, что началом своей литературной деятельности она была обязана Н. Перумову, у которого должна была взять интервью, прочитав «по долгу службы через силу (это была первая книга фэнтези в моей жизни!) [цит. по: Злотницкий 2004b: 17] его роман “Тибель богов».

С этого момента она уже не представляла своей жизни вне жанра фэнтези, в котором «сюжетная посылка... словно срывает с глаз читателя слой привычной, трезвой и до мельчайших подробностей знакомой жизни и, используя уходящие в глубокую древность представления о магических, потусторонних, сверхъестественных существах и силах, обнажает сияющие высоты и мрачные глубины “истинной реальности” – особой модели мира, которая строится по постулируемому автором законом» [Ковтун 1999: 62].

Данная модель мира берет свое начало еще в статье «О волшебных сказках» Дж. Р. Р. Толкина, где автор «Властелина колец» говорит о возможности создания Вторичного мира, в котором будет возможно говорить о «зеленом солнце», что породит, в свою очередь, Вторичную веру в это [Толкин 2000]. По мнению И. Д. Винтерле, в настоящее время Вторичный мир воспринимается как «важнейшая категория литературы фэнтези, которая во многом определяет художественные достоинства, качество и популярность фэнтезийных произведений» [Винтерле 2012: 38].

И. В. Лебедев в своей классификации фэнтези-текстов предложил рассматривать фэнтези как вид приключенческой литературы, в которой синтезируются «два основных вида приключений, а именно: приключение географическое и историческое» [Лебедев 2015: 365]. Данное обстоятельство позволяет рассматривать жанр фэнтези как новый этап «в развитии единого приключенческого метажанра» [Там же]. Наиболее продуктивным в этом плане исследователь считает героическое фэнтези, среди разновидностей которого И. В. Лебедев выделял фэнтези «меча и магии» («Хранитель мечей» Н. Перумова; «Волкодав» М. Семеновой); историческое и псевдоисторическое фэнтези («Не-

¹ Гусарова А. Д. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Петрозаводск, 2009. С. 6.

² Первый научно-аналитический подход к отечественному фэнтези был предпринят Т. И. Хоруженко в кандидатской диссертации 2015 года «Русское фэнтези. На пути к метажанру».

³ Первый вариант экранизации фэнтези-цикла был осуществлен в 2022 году. Он называется сейчас пилотным.

беса ликують» А. Валентинова, «Отблески Этерны» В. Камши); «воровское» или «разбойничье» фэнтези («Хроники Сиалы» А. Пехова), которое наследует пикареске и «разбойничьему» (в частности, пиратскому) роману [Там же]. Среди других видов фэнтези-текстов исследователь выделял детективное фэнтези, выросшее из жанра криминального романа, «черное фэнтези», имеющее в качестве генезиса готический роман, «научное» фэнтези или техномагию, развивающееся из научной фантастики, «городское» фэнтези, берущее свое начало из жанра социально-приключенческого романа.

Т. Хоруженко предлагала анализировать художественные особенности фэнтези и осуществлять его классификацию, учитывая генезис жанровой формы в целом. Исследовательницей констатировалась «историческая связь фэнтези со сказкой и рыцарским романом, а также опосредованная связь фэнтези с мифом и эпосом»¹. На этой основе Т. Хоруженко выделяет 3 основные разновидности фэнтези-текстов: эпическое фэнтези, приключенческое фэнтези и сказочное фэнтези. При этом в русской литературной традиции приключенческий тип фэнтези, хронотоп которого заимствовался из рыцарского романа, обычно соединялся с эпической традицией, как это происходит у Н. Перумова в его «Летописях разлома» или С. Логинова «Многорукий бог Даллайна»².

Создавая Вторичный мир «Хроник Арции», В. Камша показала, как условны границы между различными жанровыми разновидностями фэнтези-текстов. Первоначально писательница ориентировалась на «Гибель богов» Н. Перумова как на образец эпического героического фэнтези, сохранив и трансформировав некоторые черты, присущие Вторичному миру «учителя». Именно Н. Перумов фактически благословил В. Камшу на литературное творчество, отослав ее первый роман, будущую «Темную звезду», в издательство «ЭКСМО», которое его напечатало в 2001 г. В этом же году вышло продолжение романа, закончившееся коронацией Рене Арроя перед решающей эпической битвой с Ройгу и его сторонниками, под названием «Несравненное право». Однако, когда перед писательницей встал вопрос о жанровой природе собственного текста, она назвала традицию исторического фэнтези.

«Хроники Арции» и традиция исторического фэнтези. В интервью Д. Злотницкому в 2004 г. В. Камша призналась: «Я пишу, если можно так выразиться, историческое фэнтези» [Злотницкий 2004b: 16]. Б. Невский, говоря об историческом фэнтези, предлагал использовать термин «псевдоисторическое», если речь шла о конструировании «магического мира на основе какого-либо реального исторического периода или событий» [Невский 2004]. С точки зрения жанровой природы текста речь может идти как о приключенческом квесте, так и о серьезной психологической драме.

¹ Хоруженко Т. И. Русское фэнтези: на пути к метажанру: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2015. С. 28.

² Там же.

Среди лидеров «исторического фэнтези» им назывались профессиональный историк Андрей Шмалько (литературный псевдоним Андрей Валентинов) с его «Олой», дилогией «Тропа отступников», книгами «Небеса ликують» и «Орией» и Елена Хаецкая, ставшая известной еще в 1993 г. благодаря своему роману «Меч и Радуга», воскрешавшему события начала XIII в., эпоху Робин Гуда.

Вообще ориентация на средневековый антураж – важная черта фэнтези-текстов, о которой неоднократно писали исследователи на рубеже XX–XXI вв. Так, по мнению В. Каплана, фэнтези – произведение, «в котором действие происходит в условно-средневековом мире и существенную роль в сюжете и в идейной составляющей играет магия» [Каплан 2001: 158]. «Средневековый антураж» фэнтези, в том числе и русского, отмечался С. Логиновым³. М. И. Мещерякова писала, что «классической формой фэнтези считается создание вторичного средневекового мира» [Мещерякова 1997: 300].

При этом А. Д. Гусарова отмечала, что черты этого средневекового мира Западной или Восточной Европы в высшей степени абстрактны и условны, в результате чего «к истории они не имеют определенного отношения, – это многократное, использованное до стертости, художественное представление о средневековье»⁴. С точки зрения исследовательницы, не являются исключением в этом плане и произведения Е. Хаецкой, включая «Меч и радугу», где присутствует менее сверхъестественный (т. е. без эльфов, троллей и гномов) иррациональный мир, «слегка напоминающий средневековую Англию, но все же не являющийся достоверной картиной прошлого»⁵. Это дало возможность исследовательнице предположить, что «связывать сверхъестественное в мире фэнтези с эстетическим образом лишь одной исторической формации было бы необъективно и поверхностно», так как «для развития категории фантастического в литературе релевантны многие культурные и литературные традиции»⁶. Действительно, в романе Н. Романецкого «У мертвых кудесников длинные руки» угадывается историко-литературная модель XVIII столетия. Г. О. Олди в «Ахейском цикле» («Герой должен быть один», «Одиссей, сын Лаэрта», «Внук Персея») предпочитает работать с античным материалом, сюжетами греческих мифов. Мария Вой действие своей дилогии «Сиротки» переносит в эпоху Гуситских войн XV в. Уна Харт (А. Максимова) в романе «Когда запоят мертвецы» ориентируется на историю и фольклор Исландии XVII в.

В. Камша обратилась в своих произведениях к

³ Логинов Св. Русское фэнтези – новая Золушка // Русская фэнтези. URL: <http://www.rusf.ru/loginov/rec/rec14.htm> (дата обращения: 27.03.2026).

⁴ Гусарова А. Д. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Петрозаводск, 2009. С. 101.

⁵ Там же. С. 102.

⁶ Гусарова А. Д. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Петрозаводск, 2009. С. 85.

XVI–XVII вв. европейской истории, эпохе пороха и пушек, когда добрый средневековый меч заменила дуэльная шпага. Д. Злотницкий даже высказался по этому поводу, что фэнтези В. Камши представляют собой фэнтези «плаща и шпаги»¹.

В 2025 г. накануне второй экранизации цикла «Отблески Этерны» Д. Злотницкий, сравнивая книги В. Камши и Н. Перумова, отмечал: «В книгах же Камши сверхъестественного сравнительно немного, они сконцентрированы на политике и войнах, а по духу напоминают исторические романы. Особенно это стало заметно во второй половине “Хроник Арции”, где сюжет напрямую вдохновлен событиями Войны Алой и Белой розы»².

Действительно, многие из героев «Хроник...» имели исторические прототипы, их образы были связаны с одной из любимых эпох писательницы. Речь идет о 30-летней войне Алой и Белой Розы в Англии XV в. между двумя ветвями Плантагенетов – Йорками и Ланкастерами. В отечественной культуре память об этой войне ассоциируется главным образом с бардовской песней А. Городецкого о том, что «не дай Вам Бог родиться при Генрихе VI». У В. Камши алую и белую розу заменяют серебряные и золотые ирисы. Ориентация на английскую историю заметна прежде всего в образе «горбуна» Александра Тагарэ, прототипом которого стал «оболганный», с точки зрения писательницы, по желанию победивших Тюдоров король Ричард III. В. Камша признавалась, что такие романы цикла, как «Кровь заката» и «Довод королей», выросли из давнего детского желания, чтобы «все было не так, как было». Вот я и создала таррского двойника Ричарда. Когда я начинала книгу, то твердо знала, что свой Босворт он переживет и в конце победит» [цит. по: Злотницкий 2004b: 17]. Можно сказать, что писательница в «Хрониках Арции» создала достаточно концептуальную альтернативную историю «настоящего» Ричарда III – Александра Тагарэ. Имеют своих прототипов и другие герои цикла: «Судьбы Шарля, Эдмона, Филиппа, Жоффриу Тагарэ и Рауля ре Фло были predetermined судьбами Ричарда Йорка старшего, Эдмунда Йорка, Джорджа Кларенса, Эдуарда IV, Уорвика Делателя Королей» [Там же].

В «Хрониках Арции» заметно влияние «Песни льда и огня» Дж. Мартина, который положил в основу своей эпической саги о судьбе Вестероса английскую историю XV столетия.

Прежде всего это касается войны Алой и Белой Розы, перипетии которой можно увидеть в противостоянии Старков (Йорков) и Ланнистеров (Ланкастеров), о чем, кстати, писал сам Дж. Мартин [2014: 278]. Более того, как предположил Н. Эйхвальд, континент Вестерос «на карте в книгах Мартина очень похож на остров Великобрита-

ния, увиденный в зеркале. Скажем, Корнуолл на юго-западе Британии – вылитый Дорн на юге Вестероса»³. История Тириона и Джоффри в подаче Серсеи Ланнистер заставляет вспомнить убийство племянника Ричардом Йорком, герцогом Глостерским, а женитьба Эдуарда IV Йорка на девушке незнатного происхождения, ставшая одной из причин гибели династии, навеивает воспоминание о Кровавой свадьбе Дж. Мартина.

Кроме того, на цикл Дж. Мартина в значительной мере повлияло творчество знаменитого французского романиста М. Дрюона. В своем интервью газете «Гардиан» от 5 апреля 2013 года Дж. Мартин говорил: «*The Accursed Kings* has it all: iron kings and strangled queens, battles and betrayals, lies and lust, deception, family rivalries, the curse of the Templars, babies switched at birth, she-wolves, sin and swords, the doom of a great dynasty and all of it (or most of it) straight from the pages of history. And believe me, the Starks and the Lannisters have nothing on the Capets and Plantagenets. Whether you're a history buff or a fantasy fan, Druon's epic will keep you turning pages: it is the original game of thrones»⁴.

По мнению Н. Эйхвальда, прозвище Железный король, которое носит у М. Дрюона французский король Филипп Красивый, могло подсказать Дж. Мартину образ Железного трона. Молодой волк Робб Старк вызывает в памяти образ английского короля Эдуарда III, отправившегося со своей армией на юг, чтобы дать сражение французскому королю Филиппу VI. В то же время Кейтелин Старк, мать Робба Старка, напоминает мать Эдуарда III, вошедшую в историю под именем Французской Волчицы, которая помогла своему сыну взойти на престол, свергнув своего мужа Эдуарда II⁵.

У В. Камши в центре внимания оказывается фигура Александра Тагарэ (Ричарда III), образ которого уже с конца XVI в. оказался во власти «темной легенды», целью которой было утвердить представление о Тюдорах как спасителях Англии. В контексте этой легенды Ричард III становился жестоким тираном, на совести которого было множество политических убийств. Как писала

³ Эйхвальд Н. Альбигойцы, король Артур и японский феодализм: разбираемся в исторической основе «Игры престолов». URL: <https://ngs55.ru/text/culture/2019/04/16/66054958/> (дата обращения: 24.10.2025).

⁴ George R. R. Martin. My hero: Maurice Druon by George R. R. Martin. The Guardian. 2013. 5 april. URL: <https://www.theguardian.com/books/2013/apr/05/maurice-druon-george-rr-martin> (mode of access: 27.03.2026). В «Проклятых королях» есть все: железные короли и задушенные королевы, битвы и предательства, ложь и похоть, обман, семейное соперничество, проклятие тамплиеров, подмена младенцев при рождении, женщины-волки, грех и мечи, гибель великой династии и все это (или почти все) прямо со страниц истории. И поверьте мне, Старки и Ланнистеры не идут ни в какое сравнение с Капетингами и Плантагенетами. Независимо от того, увлекаетесь ли вы историей или фэнтези, эпопея Дрюона заставит вас переворачивать страницы: это оригинальная «Игра престолов» (перевод Е. Приказчиковой).

⁵ Эйхвальд Н. Альбигойцы, король Артур и японский феодализм: разбираемся в исторической основе «Игры престолов». URL: <https://ngs55.ru/text/culture/2019/04/16/66054958/> (дата обращения: 24.10.2025).

¹ Злотницкий Д. Что стоит знать об «Отблесках Этерны». URL https://www.chitaigorod.ru/articles/chto_stoit_znat_ob_otbleskakh_eterny_i_yego_ekranizatsii6359?utm_referrer=https%3A%2F%2Fdz.en.ru%2Fmedia%2Fid%2F5bcb81cd550f6f00ab7aefac%2F68643a531418d73e7ff02d3 (дата обращения: 20.07.2025).

² Там же.

Е. Д. Браун, «сколиоз Ричарда III дал начало слухам о его горбе, а исчезновение сыновей Эдуарда IV породило легенду об убийстве “принцев в Тауэре»» [Браун 2014: 229]. Политический миф о горбатом злодее нашел свое окончательное закрепление в «Исторических хрониках» У. Шекспира, где горбатый¹ и хромой король, убедив своего отца Ричарда Йоркского начать гражданскую войну против законного короля Генриха VI Ланкастера, последовательно убивает всех, кто мешает ему взойти на престол. Вначале он убивает принца Эдуарда Ланкастера, которого считали «цветом рыцарства», и короля Генриха VI, потом становится причиной гибели собственного брата Джорджа Кларенса. Женившись на вдове Эдуарда Ланкастера Анне Невилл, он приказывает ее отравить, чтобы жениться на собственной племяннице Елизавете, старшей дочери короля Эдуарда IV. Его последнее преступление – убийство юных принцев Эдуарда V и Ричарда Йоркских, сыновей короля Эдуарда IV, вошедших в историю под именем «принцы в Тауэре». Для сравнения у В. Камши этими принцами становятся Филипп и Александр Тагэре, сыновья короля Филиппа Тагэре, тайно убитые в речном замке новым королем Арции Пьером Тартю, женившимся на их сестре Элеоноре (Норе).

Однако в отличие от Дж. Мартина, В. Камша никогда не ориентируется исключительно на локус Западной Европы. П. Й. Паулюс отмечал в этой связи, что Дж. Мартин «эксплуатирует базовые элементы скандинавского мифа <...> Нордический фатализм используется в этом повествовании в качестве своего рода метаидеи» [Паулюс 2018: 34]. Однако в «Хрониках Арции» чувствуется тяготение и к локусам Восточной и Южной Европы. К примеру, область Тарска Михая Годоя напоминает Румынию, а область Таяна заставляет вспомнить культуру Польши и Украины. Так, сигурант в Тарске, являющийся у В. Камши личным гвардейцем знатной особы, произошел, по всей видимости, от слова сигуранца (рум. *siguranță* – безопасность) – тайная полиция в королевстве Румыния. Зато в Таяне присутствуют войты и ясновельможные. Рыгор Зимний в романе «Несравненное право», ставший регентом королевства и герцогом Фронтерским, использует слова «слухав», «урозумел», «данове». Совершенно очевидно, что *данове* – слово, произошедшее от «панове» с использованием приема метаграммы. Воссозданию колорита Восточной Европы способствует описание внешнего облика и одежды жителей Таяны: «*Высокие рысьи шапки, украшенные журавлиными и орлиными перьями,*

¹ После изучения в 2014 г. останков короля Ричарда III, найденных на месте автостоянки в Лестере, с использованием метода компьютерно-томографической визуализации и реконструкции его внешнего вида было установлено, что рост короля составлял 173 см, он не был горбуном в буквальном смысле слова, хотя, имея сколиоз, страдал от сильной сутулости. Когда В. Камша писала свои книги, останки были еще не обнаружены и реконструкция не проведена. В этом отношении ее гипотеза относительно Ричарда III – Александра Тагарэ, чья «горбатость» со временем становится практически незаметной, является писательским предвидением.

раскрасневшиеся от жары и крика лица, грозно торчащие усы и усики, распахнутые на груди короткие полушубки, под которыми виднелись яркие кафтаны с галунами, все вместе сливалось в бушующую пеструю массу» [Камша 2003, кн. 2: 297–298]. Разумеется, здесь угадывается влияние польской культуры.

Подобный мультикультурный подход писательницы к Вторичному миру «Хроник Арции» подготовил впоследствии многовекторный «исторический» мир «Отблесков Этерны», где каждое государство материка Кэртианы, а также каждая область государства Талиг имеют свои аналоги на европейской карте XVI–XVII вв. Так, кесария Дриксен напоминает Пруссию, Агария – Ватикан, область Надор Талига похожа на Англию, Эпинэ – на Францию, Кэналлоа – на Испанию.

«Хроники Арции» и традиция эпического фэнтези. Ориентируясь на того же Дж. Мартина, В. Камша вводит в свой Вторичный мир эпический хронотоп, космологию и космогонию, основывающиеся на мифологической составляющей текста, прежде всего на феномене эсхатологического времени. Применительно к «Отблескам Этерны» данный аспект был проанализирован в статье А. И. Теплова [2025]. В случае же с «Хрониками Арции» задача осложняется тем, что первый роман цикла «Темная звезда» задумывался В. Камшой как своеобразная пародия на «Гибель богов» Н. Перумова, состоящая из многочисленных фэнтезийных штампов. По словам писательницы, «Темная звезда» «изначально... была некоей литературной игрой с элементами популярности... Там никто не пытался привязать Тарру в какой-то системе мироздания, но были прямые аналогии и отсылы к миру Упорядоченного»².

Упорядоченное в данном случае – одна из основных категорий фэнтезийного мира Н. Перумова, представленная им как раз в романе «Гибель богов». Великий Дракон Орлангур, Дух Познания, так объясняет Хагену основной принцип функционирования данной категории: «*Есть Великая Гармония Сфер, есть сложение мириадов различных сил и стремлений косной материи в одну поистине необоримую Равнодействующую*» [Перумов 1993: 163].

Существование сил, подобных Равнодействующей, было традиционно связано с изображением извечного (вселенского) фэнтезийного зла, благодаря чему создавался классический конфликт эпического фэнтези как борьбы упорядоченного Космоса с дисгармоничным Хаосом.

Зло в жанровой традиции русского фэнтези обычно связывается с наступлением Тьмы, которая может сама по себе быть антагонистом главного героя («Детский мир» и «Боги осенью» А. Стоярова, «Мальчик и Тьма» С. Лукьяненко) или же выступать через образ основного героя-антагониста.

Антагонист как олицетворение Силы зла может носить имена Князя Тьмы («Рыцарь ниоткуда» А. Бушкова), Владыки Тьмы («Владигор» Л. Бутякова), Темного колдуна («Часовой Армагеддона. Разводящий Апокалипсиса» С. Щеглова), Черного

² Официальный сайт Веры Камши. URL: <http://kamsha.ru/> (дата обращения: 14.09.2025).

владыки («Это Сон (Смерть взаимны)» С. Вартанов).

В любом случае конфликт между протагонистом и антагонистом фэнтези-текста способен «обнаружить ту особенную заостренную форму (Е. Д. Тамарченко) столкновения добра и зла, которая свойственна поэтике фантастики вообще»¹.

В. Камша обращается к образу Темной Звезды – Эстель Оскоры, пророчества о появлении которой начинают сбываться в 2228 г. от Великого Исхода, когда происходит пробуждение древней магии бога Ройгу в Образе Осеннего Ужаса, Белого Оленя с клыками, убивающего людей. Судьба Тарры должна зависеть, исходя из картины-Пророчества, хранящейся в Святом городе Кангиске и нарисованной Эрасти Церной, именно от Эстель Оскоры, Темной Звезды, – женщины, в жилах которой течет Старая кровь Изначальных Созидателей во главе с Оммом. Именно Эстель Оскора должна родить младенца, которому суждено стать новым воплощением бога. Родив этого бога, Эстель Оскора обретет огромную силу, которой обладал ее супруг Неизведанный, скрывающийся в Сером море. Тарский правитель Михай Годой с детских лет готовил на роль этой «матери Зла» свою кроткую и забитую дочь Герикку, выдав ее замуж за престарелого короля Таяны Марко, образ которого впоследствии принимает Неизведанный.

Но уже с первого романа цикла В. Камша смело ломает фэнтезийную традицию, превратив Герикку из главного оплота Зла в одного из основных борцов с силами Тьмы. После того как чудовищный младенец при помощи магии эльфов и кольца Эрасти Святого был уничтожен Романом (эльфом Нэо Рамиэрлем), Герика-Эстель при помощи Великих братьев полностью изменяется, как будто бы в ее тело вселилась новая душа. Обладая огромной магической силой, она помогает людям, эльфам, гоблинам и оставшимся в живых представителям Старых Богов, вроде Хозяйки Болот Тахены, одержать решительную победу над Ройгу в романе «Несравненное право». После этого она становится супругой и спутницей Рене Арроя, основного протагониста первых двух романов цикла.

Таким образом, В. Камша фактически отказывается от традиции, по которой в образе героя-антагониста должны были с необходимостью «присутствовать эсхатологические черты бога-деструктора, чьи действия нарушают установленный порядок вторичного фантастического мира»². В качестве подобных богов-деструкторов, носителей космической силы зла в цикле, вначале выступают Ройгу и Неизведанный, а в финале второй книги «Башни ярости» появляется Белый старец Гридэтар, создатель Лабиринта.

Тем не менее все герои-антагонисты оказываются изначально обречены на поражение в условиях, когда основной герой-антагонист (Эстель Оскора) отказывается играть по правилам, перейдя

на сторону Добра и начав выполнять сотериологическую функцию. Но, задумываясь первоначально как пародия на текст Н. Перумова, данная переакцентировка полюсов добра и зла впоследствии превратилась в характерную черту поэтики В. Камши, определив дугу характеров важнейших героев фэнтези-цикла «Отблески Этерны», например Рокэ Алвы или Ричарда Окделла. В данном случае мы не можем согласиться с точкой зрения И. В. Лебедева, видевшего в В. Камше типичного представителя современного отечественного фэнтези, для которого характерна «“лоскутность” сюжета и персонажей», представляющих собой «конгломерат заимствований из самых разных текстов»³. В силу этого «текст довольно легко распадается на куски, написанные по разным трафаретам. Они в определенной степени напоминают модули: сначала “работает” один модуль, затем, как только заимствование кончается, он изымается и заменяется на другой»⁴. Подобный фэнтезийный эклектизм, по мнению исследователя, особенно проявляет себя при создании образа Ричарда Окделла, причудливость дуги характера которого вызвала настоящий раскол между «правильными» и «неправильными» читателями на официальном форуме В. Камши.

На наш взгляд, гораздо более важным моментом является тот факт, что, работая над «Хрониками Арции» на рубеже XX–XXI вв., В. Камша, как и Дж. Мартин и Н. Перумов, отказывается от типического статуса героя русского фэнтези 1990-х гг., для которого характерны «...начальное одиночество, социальная неустроенность и почти всегда произвольный, по воле кого-то другого, переход через границу между мирами»⁵. То есть типический герой русского фэнтези последнего десятилетия XX века – это герой «попаданец», слайдер.

Спецификой же фэнтезийного мира В. Камши является то, что ее герои не только в «Хрониках Арции», но и в «Отблесках Этерны» являются плотью от плоти и кровью от крови мира, в котором они живут с рождения, куда приходит Вселенское Зло, борьба с которым составляет основной эпический сюжет произведения. Эсхатологическая эпоха, для которой в «Отблесках Этерны» будет найдено определение «Великий излом», проверит на прочность всех героев цикла. Но уже в «Хрониках Арции» В. Камшу привлекает ситуация, когда Зло приходит в мир не столько извне, пересекая границу мира людей, подобно Белым Ходокам Дж. Мартина, но больше изнутри. Из-за этого не только обычные герои, но и герои-протагонисты, вроде Рене Арроя, долгое время не понимают, что происходит в мире, в котором им будет суждено играть роль Спасителя. В первой книге «Башни Ярости» читаем: «Зло крепнет и набирает силу, подтачивая мир изнутри. Все по отдельности можно было

¹ Гусарова А. Д. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Петрозаводск, 2009. С. 166.

² Там же. С. 163.

³ Лебедев И. В. Жанровая поэтика в русском фэнтези конца 20 – начала 21 веков: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2016. С. 76.

⁴ Там же.

⁵ Гусарова А. Д. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Петрозаводск, 2009. С. 134.

бы отнести за счет случайностей и совпадений, сведенное же воедино вызывает отчаяние. Можно бороться с самым страшным чудовищем, но не с приходящей осенью и не с чумой, а грозящая Тарре опасность неотвратима, как приближение холодов в месяце вереска, и безлика, отвратительна и тлетворна, как моровое поветрие» [Камша 2003, кн. 1: 20–21].

Выполняя свою сотериологическую функцию борьбы с Хаосом, основные герои В. Камши будут демонстрировать готовность к развитию и сознательной корректировке собственной дуги характера, что не позволяет говорить о модульности как о единственном принципе организации текста у писательницы, за исключением модульности и «лоскутности» как общей черты поэтики постмодернизма.

«Хроники Арции» и традиция магического фэнтези. Помимо эпического каркаса в жанре фэнтези обычно присутствует система магических представлений, теоретическую разработку которых предложил еще Дж. Р. Р. Толкин в работе «О волшебных историях». Он выделял собственно магию, чья цель – «власть в нашем мире, господство над неживыми предметами и волей живых существ» [Толкин 2001: 467] и чары как специфическое искусство эльфов, в котором отсутствует факт властного воздействия на окружающий мир. А. Д. Гусарова, развивая точку зрения автора «Властелина колец», так разграничивает магию и колдовство в системе фэнтези-текстов. Магия – «это система знаний, навыков и умений, изучаемая технология и профессия, чей способ воздействия на природу – силовой, властный; Колдовство, или Чары, – сила, изначально присутствующая в человеке, проявляющаяся как специфический талант»¹.

Целый ряд отечественных исследователей подчеркивали важную роль магии для фэнтези-текстов. Так, Е. А. Соколова именно с магией связывала основной конфликт фэнтези-текстов: «Разделяясь на сторонников Космоса и Хаоса (добра и зла), персонажи вступают в борьбу, используя магию» [Соколова 2006: 22]. М. С. Галина уточняет, что в фэнтези «магия выступает в роли основной сюжетобразующей пружины, а заодно – и силы, способной абсолютно менять окружающий мир» [Галина 1998: 169]. В. Губайловский подчеркивает, что «...в фэнтези чудо или, точнее, магия – они естественны, нормальны, понятны без мотивировок. Они отличают мир фэнтези от того, в котором живет обычный человек» [Губайловский 2002: 182–183].

В «Хрониках Арции» можно увидеть целый ряд заимствований из магического арсенала Н. Перумова. Например, можно указать на связь между бешеным ветром, вызываемым Эстель Оскорой, благодаря которому ей удалось отомстить за гибель эльфа Астене и спасти от погони Александра Тагарэ, и ветрами из пределов Льдистых Миров, «из страшного провала, разрыва в ткани Реальности» [Перумов 1993: 207], при помощи которых невысо-

кая смуглая девушка, распустив свои две длинные косы цвета воронова крыло, расправляется с воинами Хединсея на глазах Хагена. Магия жертвенной человеческой крови, преобразованная в зеленоватый дымок, рвущийся из «раскрытых в немом вопле, изломанных мукой человеческих ртов» как «исход Страдания, Ужаса и Боли» [Там же: 109], чтобы питать хозяина Горы, очень напоминает соответствующую магию сторонников Ройгу, наполняющих для своего повелителя Чаши Страдания и Боли. Перумовская философия жизни мага, не связанная напрямую с телом, в силу чего «тело можно изранить, изрубить на куски, вовсе сжечь – но самого Мага этим не убьешь» [Там же: 31], объясняет в «Хрониках Арции» философию многовекового неуничтожимого зла ройгианства, которое, потерпев поражение, все равно может со временем вырастить новое тело для последней битвы.

У В. Камши, как и у Н. Перумова, существует магическая возможность «считывания» чужой памяти, чтобы не тратить время на долгие рассказы. Если у Н. Перумова так поступает маг Хедин по отношению к своему ученику Хагену, то у В. Камши эта способность является чертой эльфийской магии, позволяющей представителям этой расы подключаться к коллективной памяти своих родов.

Схожей является у писателей магия лишения воина сил, что делает его удобной мишенью для врагов. У Н. Перумова воздействие на себе подобной магии ощущает Гудмунд, у В. Камши из-за воздействия на сознание магического морока гибнет на поле боя Шарль Тагарэ, пропустивший совсем простой, но оказавшийся для него смертельным удар.

Магия в ее различных формах играет большую роль в сюжете «Хроник Арции» и помимо влияния на писательницу магического арсенала Н. Перумова.

Реальной магической силой обладают очень многие герои цикла, и они умеют этим пользоваться. В «Хрониках Арции» достаточно подробно описываются эльфийская магия, «черная» магия Неизвестного из Серых морей, магия зеркала, которая, в конце концов, помогает эльфам во главе с Нео Рамиэрлем победить воплощение зла Вархи Белого старца (Гридэтара) в Лабиринте. Тот же Рамиэрль в водном зеркале «зачарованного пруда» видит сражающегося Рене Арроя, преданного Ланкой, дочерью короля Таяны Марко. В романе «Довод короля» Странник (реинкарнация Рене Арроя) раз за разом вмешивается в жизнь людей, прежде всего своих дальних потомков, чтобы не допустить их гибели. Самый яркий пример этого рода – спасение Марты Аррой от кардинала Ореста, который захотел объявить ее Преступившей. Под воздействием магии Странника священнослужитель оказался вынужденным против своей воли признаться во всех своих преступлениях, в том числе в неверии в Триединого, и был разорван разъяренной толпой. В первом томе «Башни ярости» Черные кошки Заката выводят из дворца внебрачных детей Александра Тагарэ Шарля и Катрин, спасая их от врагов. Впоследствии именно эти кошки, невидимые для других, становятся причиной гибели ново-

¹ Гусарова А. Д. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Петрозаводск, 2009. С. 141.

рожденного наследника престола, сына Пьера Тартю. В этой же части Крапивник (Хозяин крапивы) спасает от преследования сторонников Пьера Тартю Рафаэля, атэва Яфе и монаха Николая, дав приказ разрастись гигантским кустам крапивы, а Эстель Оскора при помощи капли своей крови выращивает нарциссы (фитоморфные символы власти рода Тагарэ) на день рождения «горбуна» Александра Тагарэ. Не обходится цикл и без магии пространства. Достаточно вспомнить локус волшебного пня в Фэрриэнне, который «нельзя миновать», не вернувшись обратно, что удается сделать Нео Рамиэрлю со своими спутниками во втором томе «Башни ярости». Тот же Рамиэрль при помощи магической силы вылечил Вайарда в Фэрриэнне, нижняя половина тела которого была парализована.

В книгах М. Фрая (С. Мартыничик, И. Степин), романах Г. Л. Олди, Ю. Никитина, В. Чиркова достаточно часто происходит феномен оборотничества, зооморфной трансформации, или же герой получает в качестве помощника волшебное животное, что опять же отсылает нас к морфологии русской сказки, проанализированной еще В. Проппом. А. Д. Гусарова обратила внимание на интересную закономерность подобной зооморфной метаморфозы: «Если герой получает волшебное животное в качестве помощника; то это исключает дальнейшую возможность для него зооморфной трансформации»¹. В «Хрониках Арции» функции волшебных животных выполняют сразу несколько персонажей, сюжетно связанных с основными героями цикла: философский жаб Жан-Флорентин и Гиб – водяной конь, связанные с Рене Арроем и Нео Рамиэрлем, Рысь-Преданная, сопровождающая Эстель Оскору. Однако данное обстоятельство не исключает для героев использования магии оборотничества, которое в классических мифологиях выступает как демонстрация могущества бога [Приказчикова 2021: 35]. В фэнтези-текстах функция демонстрации могущества переходит к героям фэнтези.

Так, в «Крови заката» Эстель Оскора превращается в кошку, полагая, что подобная магия более простая, чем заклятье двойного зеркала или невидимости: «Принять облик кошки просто, а оставаться в нем можно сколь угодно долго, это заклятье не требует поддерживать, и снимается оно молниеносно» [Камша 2002: 34]. В «Доводе Короля» отец и сын Мальвани превращаются в тигров (зооморфный фетиш их рода), чтобы защитить Марту Аррой, королеву Оргонда, в которую влюблен младший Мальвани Сезар. Во второй книге «Башни Ярости» Эрасти Церна возвращает Онорине, женщине легкого поведения, ее девичий облик деревенской девчонки «лет семнадцати с короткими толстыми косицами, высокой грудью и нежными нецелованными губами» [Камша 2003, кн. 2: 323], чтобы она смогла справиться со своей миссией: рассказывать людям, что король Александр Тагарэ жив.

Востребованность магии в фэнтези-текстах во

многом была обусловлена ее основной чертой: умением действовать «через участие человека в жизни Вселенной» [Госден 2023: 18]. По мнению британского археолога, профессора Оксфорда К. Госдена, магия демонстрирует это участие через три основные составляющие: трансцендентность, трансформацию и трансакцию. Трансцендентность предполагает признание того факта, что Вселенная может влиять на людей, но сама «находится за пределами их способности влиять на нее» [Там же: 16]. Трансформация «подразумевает вовлеченность человека в магический процесс» [Там же: 17]. Что касается трансакции, то она предполагает заключение «сделки с Вселенной в разных ее вариантах» [Там же].

Во Вторичных мирах фэнтези герои постоянно ощущают на себе влияние Вселенной, вовлекаются в магический процесс, преследуя собственные цели и заключая сделки как с силами Добра, так и с силами Зла. Не случайно у В. Камши, как и у других авторов фэнтези, включая Н. Перумова, герои-протагонисты если не являются сами магами (Хаген и Хедин в «Гибели богов» Н. Перумова), то обладают исключительно сильными магическими способностями: Нео Рамиэрль, Рене Аррой, Эстер Оскона («Хроники Арции»). Для сравнения в «Отблесках Этерны» основные герои, включая Рокэ Алву и Дика Окделла, могут долго не знать о своих магических способностях, что помещает мифолого-магическую интригу текста в глубь повествовательного нарратива, актуализируя идею пути героя с целью обретения «тайных знаний».

Инициация героев в «Хрониках Арции» в контексте концепции антропоцентризма русского фэнтези. Наиболее сильной стороной фэнтезийного мира В. Камши является второй уровень инициации героя², по Дж. Кэмпбеллу [1997], когда герой не просто получает доступ к тайным знаниям, но прорывает их истинный смысл. Это подготавливает ситуацию исполнения героем сотериологической функции спасения мира. С этого момента «их мифы разворачиваются в космических масштабах» [Там же]. Так, Нео Рамиэрль разгадывает тайну Эрасти Святого и Эрасти Проклятого, понимая, что это один и тот же человек. Рене Аррой, уже став правителем Тарры, вместе со своей спутницей Герикой Годой (Эстель Оскорой) и Нео Рамиэрлем отправляются на корабле «Созвездие Рыси» на поиски врага в Серое море. Еще в большей степени сотериологический аспект жертвенности проявляет себя в путешествии эльфов во главе с Романом (Нео Рамиэрлем) в Обитель Зла – Варху, где им удается победить Белого Старца Грэдитаря. Подобная вторичная инициация, с точки зрения М. Элиаде, оставляет неизменным один важный момент: «по-

² А. Д. Гусарова выделяет 2 этапа инициации для героев фэнтези. С ее точки зрения, первый этап инициации определяется в герое «изначальной колдовской природой», в результате чего происходит изменение его статуса «как перемены социального статуса от низкого, «невидимого» к высокому – востребованному, «видимому»» (с. 17). Во время второго этапа герой становится «видимым» для «олицетворенной иррациональной силы «чужого» мира», после чего он узнает о пророчестве, согласно которому он «определяется как ожидаемый мессия» (с. 18).

¹ Гусарова А. Д. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Петрозаводск, 2009. С. 171.

стоянство мотива сошествия, в ад, предпринятого ради спасения души отдельного человека или человечества в целом» [Элиаде 2000а: 238]. Эта инициация дополняет первичную инициацию, которая, по мнению того же М. Элиаде, представляет собой встречу героя (будущего шамана), со своим «...божественным или полубожественным отцом, который <...> сообщает, что он “избран”» [Там же: 78]. Если говорить об общем пути (квесте) героя, то традиционный путь по горизонтали, разворачивающийся в рамках профанного / сакрального миров, разделенных между собой границами, неизбежно дополняется у него путем по вертикали, о чем напоминал Г. А. Левинтон [1997]. Г. А. Гусарова делает вывод, что «“формула героя” русской фэнтези конца XX века включает три константы: спасение мира / человека, единение с высшим божеством, вертикальный характер пути»¹.

Т. И. Хоруженко обратила внимание на особый антропоцентризм русского фэнтези, который находит свое отражение как при изображении сценариев поведения человекобога и богочеловека, так и при создании образов «людей и нелюдей» [Хоруженко 2025]. В случае превращения героя в бога читатель сталкивается с ситуацией, когда «землянин, современник читателя, попадает в обстоятельства, позволяющие ему стать богом» [Там же: 24]. Что касается богочеловечества, то оно проявляет себя через линию отказа от божественной природы, точнее, представляющее собой «богоборчество на почве античности» [Там же: 35], как это происходит в романах «ахейского цикла» Г. Л. Олди. У В. Камши мы имеем дело с несколько другой ситуацией антропоцентризма. Ее герои, будь то герои «Хроник Арции» или «Отблесков Этерны», являясь людьми по рождению и принадлежа к знатым родам на своей земле, на пороге наступления эсхатологической эпохи обнаруживают в себе божественные силы, необходимые для осуществления сотериологической функции спасения мира.

Особый путь-квест проделывает у В. Камши Герика Аррой – Эстель Оскора, эволюционирующая от запуганной отцом девушки, готовой слепо выполнять его волю, до могущественной Женщины – Спасительницы мира. При этом В. Камша, создавая образ своей героини, как следует традициям женского романтического фэнтези, так и нарушает их. Т. И. Хоруженко писала, что главной целью женских героинь фэнтези, которых можно поставить в один ряд с мужскими героями «меча и магии», «становится не победа над силами Зла, а обретение ею “женского счастья”» [Хоруженко 2017: 189]. У В. Камши Герика – Эстель Оскора не только обретает в финале романа «Несравненное право» свое женское счастье с Рене Арроем, но и спасает мир от Белого Оленя Ройгу, став основной участницей эпического сражения со Злом у святого града Кантиски. В. Камша пишет: «*Эстель Оскора, избранница древнего бога, сама не знала пределов своего*

могущества, а оно равнялось Силе ее супруга и господина. Огонь гасят огнем. Только я могла остановить пожар, зажженный Ройгу, и, клянусь Великими Братьями, я это сделала!» [Камша 2009: 333].

Т. И. Хоруженко отмечала, что в женских романтических фэнтези инициация героинь «совершается через *соприкосновение героини со смертью (собственной или чужой)*» [Хоруженко 2017: 192]. Данное замечание справедливо не только для творчества Н. В. Игнатовой, Е. Казаковой или П. Комарницкого, чьи романы «Дева и Змей», «Избранная по контракту», «Дева дождя» рассматривает исследовательница. У В. Камши подлинное переживание Герики Годой, супруги короля Марко, в могущественную Эстель Оскору происходит в момент гибели эльфа Астене, к которому героиня начала чувствовать истинную симпатию, от руки собственной дочери, не одобрявшей хорошего отношения отца к людям. Эта смерть становится основным триггером превращения земной женщины в Темную Звезду, которой суждено либо погубить, либо спасти Тарру.

Образом Эстель Оскоры В. Камша преодолевает один из важнейших недостатков изображения героинь в русском фэнтези, когда «фиксация эмоций и психологических состояний героинь крайне редко ведет к их эволюции», «их характер и жизненные принципы остаются неизменными вопреки всем пережитым приключениям» [Хоруженко 2017: 193]. В случае с образом Герики Годой ситуация оказывается прямо противоположной. Влюбившись в Рене Аррой, она делает все возможное для того, чтобы он, в свою очередь, полюбил в ней обычную женщину, а не воплощение силы, способной спасти или уничтожить весь мир. В связи с этим путь их взаимоотношений – путь, направленный на изживание образа «*жалкой нерешительной девчонки*», «*глупой собаки*» [Камша 2009: 100], как характеризует себя Герика. С другой стороны, она хочет «*остаться для него человеком, женщиной, пусть и нелюбимой, а не Эстель Оскорой, от которой зависит слишком много, чтобы в ней видели что-то, кроме оружия*» [Там же]. Именно поэтому для нее становится принципиально важным, чтобы любимый мужчина никогда не узнал о той роли, которую она сыграла в первом поражении Ройгу под стенами Кантиски.

Сама же Герика проходит путь принятия своей новой природы и отказа от старой в духе концепции К. П. Эстес, предложенной ей в книге «Бегущая с волками», где речь идет о понимании и принятии женщинами их глубинной мифологической природы. Говоря о природе Первозданной Женщины, вернувшейся к своим истокам, К. П. Эстес рассматривает ее различные наименования у разных народов: La Mujer Grande – «Великая Женщина» у испанцев, La Loba (Женщина-волчица) и La Huesera (Костяная женщина) в Мексике, Roszomak (Росомаха) у венгров, Na'ashje'ii Asdzaa (Женщина-паук) у индейцев навахо: «Имена неисчислимы. Она бесконечна» [Эстес 2001: 21]. Совершенно очевидно, что все эти образы восходят своими корнями к Великой матери-богини, образ которой часто вос-

¹ Гусарова А. Д. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Петрозаводск, 2009. С. 182.

принимается через призму своего основного зооморфного фетиша, образа Волчицы. В «Хрониках Арции» вместо образа Волчицы на первый план выходит образ Рыси-Кошки, что также хорошо характеризует его феминную составляющую.

В «Хрониках Арции» одним из самых ярких маскулинных героев-протагонистов, представителей человеческой расы, становится Рене Аррой, прообраз будущего Рокэ Алвы из «Отблесков Этерны». В начале цикла он *«по праву считается первой ипагой Благодатных земель»* [Камша 2002: 235], как и Рокэ, он любит поднимать бровь, его красивые губы так же кривит *«надменная ухмылка»* [Там же: 236]. Именно от Рене Арроя Рокэ «позаимствовал» свою страстную любовь к морю и «поэзии» морских баталий. Оба героя предельно рыцарственно ведут себя по отношению к прекрасному полу, считая для себя недопустимым насилие по отношению к нему и жестоко карая тех, кто это позволяет.

И Рене, и Рокэ должны выступить в роли спасителей своего мира, достигнув статуса человекобога и испытав на себе власть танатологического начала. У герцога Алвы оно ассоциируется с «синим взглядом смерти». У героя «Хроник Арции» проклятие танатологии ярче всего проявляется во второй книге «Башни ярости», когда Рене осознает, что Черная Цепь с кроваво-красными рубинами, символизирующая его власть над Эландом, требует жертвоприношений в виде чужих жизней.

Для героев В. Камши важнейшим философским аспектом их фэнтезийного бытия оказывается момент выбора между Добром и Злом. В «Крови Заката» Черный всадник Рене Аррой дает такое напутствие своему потомку Шарлю Тогарэ: *«Наши поступки – это наши поступки, но они падают на общие весы. Когда их набирается достаточно, в игру вступают другие силы, и уже их победы и поражения становятся ступенями для других <...> Самое странное, что все в руках смертных. Все решается их выбором, а не волей высших сил, хотя тот, кто сдвинул камень, вызвавший обвал, может никогда не узнать о том, что сотворил»* [Камша 2002: 178]. Для сравнения в «Отблесках Этерны» эта метафора буквально раскрывается в судьбе Повелителя Скал Ричарда Окделла.

Заключение

«Хроники Арции» сыграли важную роль в развитии традиции литературы фэнтези в России. Т. Хоруженко имела все основания писать: «В России фэнтези часто служит ширмой для беседы автора с читателем о важном» [Хоруженко 2025: 167]. В начале XXI в. фэнтезийный цикл В. Камши как нельзя лучше подтвердил справедливость этой точки зрения, поставив перед своими героями проблемы нравственного выбора и ответственности человека за происходящее вокруг, готовности борьбы со

злом во всех его проявлениях. Опыт «Хроник Арции» показал, что крупные фэнтезийные формы (цикл состоит из 6 книг, седьмая книга «Дикий ветер» не была закончена писательницей) не могут представлять собой образец только одной или даже двух жанровых разновидностей литературы фэнтези. Если у Н. Перумова в «Гибели богов» реализуется опыт эпического фэнтези с сильной мистической составляющей, то у В. Камши помимо установки на эпическую и мистическую линии четко проявляется желание реализовать традицию исторического фэнтези. Впоследствии данная триада – эпос, история, мистика – определит специфику жанровой установки полностью самостоятельного фэнтезийного проекта писательницы: цикла «Хроники Этерны», над которым В. Камша работает до сих пор, где к уже отработанным фэнтезийным традициям добавится традиция авантюрно-приключенческого фэнтези. Кроме того, в «Хрониках Арции» на примере линии Герики – Эстель Оскоры можно увидеть черты жанровой модели женского романтического фэнтези, создание которого было связано с первоначальной полупародийной установкой первого романа цикла «Темная звезда».

Персонажный уровень цикла наглядно демонстрирует отход писательницы от классической фэнтезийной схемы, где активно действуют или герои-попаданцы (слайдеры), или представители других рас. В «Хрониках Арции», так же как и в творчестве Н. Перумова, еще присутствуют как идеальные представители эльфийской расы (Нео Рамиэрль), так и идеальные представители расы орков в лице Уррика, что является очевидной полемикой с фэнтезийным опытом Дж. Р. Р. Толкина, у которого орки становятся воплощением варварства и злобы. Но, несмотря на сильную память жанра в изображении тех же эльфов, выступающих как воплощение абсолютной эстетической красоты: *«ибо нет и не может быть существ прекрасней, чем бессмертные эльфы, любимые дети самого Творца»* [Камша 2009: 160], В. Камша делает свой выбор в пользу расы людей. Таким образом, в ее творчестве закрепляется традиция антропоцентрической установки русского фэнтези, безусловным преимуществом которой является способность героев-протагонистов, принадлежащих к человеческой расе, к нравственному развитию или, напротив, к нравственной деградации, как это произойдет в «Отблесках Этерны» с Ричардом Окделлом. Эти качества героев, актуализирующие идею их нравственного выбора перед лицом надвигающейся эсхатологической эпохи, станут одной из самых сильных сторон фэнтези-текстов В. Камши, будь это «Хроники Арции» или «Отблески Этерны», сделав писательницу самым ярким представителем российской фэнтезийной традиции XXI в.

Источники

Камша, В. В. Кровь Заката / В. В. Камша. – Нижний Новгород : Издательство «Автор», 2002. – 309 с.

Камша, В. В. Башня Ярости. Книга 1. Черные маки / В. В. Камша. – Нижний Новгород : Издательство «Автор», 2003. – 247 с.

- Камша, В. В. Башня Ярости. Книга 2. Выходы ветра / В. В. Камша. – Нижний Новгород : Издательство «Автор», 2003. – 393 с.
- Камша, В. В. Несравненное право. Хроники Арции / В. В. Камша. – Нижний Новгород : Издательство «Автор», 2009. – 459 с.
- Перумов, Н. Гибель богов / Н. Перумов. – Москва : Издательство «Автор», 1993. – 348 с.

Литература

- Браун, Е. Д. Образ Ричарда III в информационном пространстве отечественной историографии / Е. Д. Браун // Люди и тексты. Исторический альманах. – 2014. – № 5. – С. 227–251. – EDN VBCGKT.
- Винтерле, И. Д. Миф как основа литературы фэнтези / И. Д. Винтерле // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1-2. – С. 37–39. – EDN PHRQVN.
- Галина, М. С. Авторская интерпретация универсального мифа: жанр фэнтези и женщины писательницы / М. С. Галина // Общественные науки и современность. – 1998. – № 6. – С. 161–170.
- Госден, К. История магии. От языческого шаманизма и средневековой алхимии до современного ведьмовства / К. Госден. – Москва : Эксмо, 2023. – 496 с.
- Губайловский, В. Обоснование счастья. О природе фэнтези и о первооткрывателе жанра / В. Губайловский // Новый мир. – 2002. – № 3. – С. 174–185.
- Злотницкий, Д. Хроники Арции. Мир Веры Камши / Д. Злотницкий // Мир фантастики. – 2004а. – № 2. – С. 56–58.
- Злотницкий, Д. Создательница Арции. Разговор с Верой Камшой / Д. Злотницкий // Мир фантастики. – 2004б. – № 5. – С. 16–17.
- Каплан, В. Заглянем за стенку: топография современной русской фантастики / В. Каплан // Новый мир. – 2001. – № 9. – С. 156–170.
- Ковтун, Е. Н. Поэтика необычайного. Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века) / Е. Н. Ковтун. – Москва : Издательство МГУ, 1999. – 308 с.
- Кэмпбелл, Дж. Герой с тысячей лицами: Миф. Архетип. Бессознательное / Дж. Кэмпбелл. – Киев : София, 1997. – 259 с.
- Лебедев, И. В. Проблема жанровой классификации фэнтези как вида приключенческой литературы / И. В. Лебедев // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – С. 362–368. – DOI: 10.17805/zpu.2015.3.33. – EDN UIWQWL.
- Левинтон, Г. А. Инициация и мифы / Г. А. Левинтон // Мифы народов мира : в 2 т. Т. 1. А–К / глав. ред. С. А. Токарев. – Москва, 1997. – С. 543–544.
- Мещерякова, М. И. Русская детская, подростковая и юношеская проза второй половины XX века: проблемы поэтики / М. И. Мещерякова. – Москва : Мегатрон, 1997. – 382 с.
- Невский, Б. Фэнтези. Чисто русская разновидность / Б. Невский // Мир фантастики. – 2004. – № 11. – С. 28–31.
- Паулюс, П. Й. Воплощение идей «скандинавского мифа» в киноселенной «Песнь льда и пламени» / П. Й. Паулюс // Человек и культура. – 2018. – № 4. – С. 31–45. – EDN XYNJLV.
- Приказчикова, Е. Е. Поэтика мифа : учебное пособие / Е. Е. Приказчикова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2021. – 242 с. – EDN AGNPVC.
- Соколова, Е. А. Черты жанра фэнтези в русской литературе / Е. А. Соколова // Европа. Россия. Провинция: Исследования в области литературно-фольклорных процессов. – Шадринск : ПО «Исеть», 2006. – С. 22–26.
- Теплов, А. И. Сравнение космологии и хронотопа в «Отблесках Этерны» В. Камши и «Песне льда и огня» Дж. Мартина / А. И. Теплов // Сибирский филологический форум. – 2025. – № 1 (30). – С. 93–109. – DOI: 10.24412/2587-7844-2025-1-93-109. – EDN MWDIWW.
- Толкин, Дж. Р. П. О волшебных историях / Дж. Р. П. Толкин // Сильмариллион : сборник : пер. с англ. – Москва : Издательство «АСТ» ; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2000. – С. 5–50.
- Толкин, Дж. Р. П. О волшебных историях / Дж. Р. П. Толкин ; пер. С. Кошелева // Сильмариллион : сборник : пер. с англ. – Москва : Издательство «АСТ» ; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2001. – С. 419–526.
- Хоруженко, Т. И. Странствия души или трансформации плоти: женские инициации в русском фэнтези / Т. И. Хоруженко // Дергачевские чтения – 2016. Русская словесность: диалог культурно-национальных традиций : материалы XII Всероссийской научной конференции: К 70-летию Объединенного музея писателей Урала, Екатеринбург, 13–14 октября 2016 года / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина ; Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук ; Объединенный музей писателей Урала. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2017. – С. 188–193. – EDN ZOIJIZ.
- Хоруженко, Т. Культурные мифы в современном фэнтези : монография / Т. Хоруженко. – Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2025. – 184 с.
- Элиаде, М. Миф о вечном возвращении / М. Элиаде ; пер. с фр. А. А. Васильевой [и др.] ; науч. ред. В. П. Калыгин, И. И. Шептунова. – Москва : Ладомир, 2000а. – 414 с.
- Элиаде, М. Шаманизм: архаические техники экстаза / М. Элиаде ; пер. с англ. К. Богуцкой, В. Трилис. – Киев : София, 2000б. – 472 с.
- Эстес, К. П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях / К. П. Эстес. – Киев : София ; Москва : ИД «Гелиос», 2001. – 496 с.
- Martin, G. R. R. The World of Ice & Fire: The Untold History of Westeros and the Game of Thrones / G. R. R. Martin, E. M. Garcia Jr., L. Antonsson. – New York : Bantam Books, 2014. – 492 p.

References

- Brown, E. D. (2014). Obraz Richarda III v informatsionnom prostranstve otechestvennoy istoriografii = The image of Richard III in the information space of Russian historiography. *People and Texts. Historical Almanac*, 5, 227–251. EDN VBCGKT.
- Campbell, J. (1997). Geroy s tysyach'yu litsami: Mif. Arkhetip. Bessoznatel'noe = Hero with a Thousand Faces: A Myth. The archetype. The unconscious. Kiev: Sofiya Publishing House, 259 p.
- Eliade, M. (2000a). Mif o vechnom vozvrashchenii = The Myth of eternal return. Moscow: Ladimir Publishing House, 414 p.
- Eliade, M. (2000b). Shamanizm: arkhaiskie tekhniki ekstaza = Shamanism: Archaic techniques of ecstasy. Kiev: Sofiya Publishing House, 472 p.
- Estes, K. P. (2001). Begushchaya s volkami. Zhenskiy arkhetip v mifakh i skazaniyakh = Running with wolves. The female archetype in myths and legends. Kiev: Sofiya Publishing House; Moscow: Gelios Publishing House, 496 p.
- Galina, M. S. (1998). Avtorskaya interpretatsiya universal'nogo mifa: zhanr fentezi i zhenshchiny pisatel'nitsy = The author's interpretation of the universal myth: The fantasy genre and women writers. *Social Sciences and Modernity*, 6, 161–170.
- Gosden, K. (2023). Istoriya magii. Ot yazycheskogo shamanizma i srednevekovoy alkhimii do sovremennogo ved'movsta = The History of Magic. From pagan shamanism and medieval alchemy to Modern Witchcraft. Moscow: Eksmo Publishing House, 496 p.
- Gubaylovsky, V. (2002). Obosnovanie schast'ya. O prirode fentezi i o pervootkryvatele zhanra = Justification of happiness. About the nature of fantasy and about the discoverer of the genre. *New World*, 3, 174–185.
- Kaplan, V. (2001). Zaglyanem za stenku: topografiya sovremennoy russkoy fantastiki = Let's look behind the wall: The topography of modern Russian fiction. *New World*, 9, 156–170.
- Khoruzhenko, T. (2025). Kul'turnye mify v sovremennom fentezi = Cultural myths in modern fantasy. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetny ucheny Publishing House, 184 p.
- Khoruzhenko, T. I. (2017). Stranstviya dushi ili transformatsii ploti: zhenskie initsiatsii v russkom fentezi = Wanderings of the soul or transformations of the Flesh: Female Initiations in Russian Fantasy. *Dergachev readings – 2016. Russian literature: Dialogue of cultural and national traditions*, 188–193. Ekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. EDN ZOIJIZ.
- Kovtun, E. N. (1999). Poetika neobychnogo. Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoy skazki, utopii, pritchi i mifa (Na materiale evropeyskoy literatury pervoy poloviny XX veka) = The poetics of the extraordinary. The artistic worlds of fiction, fairy tales, utopias, parables and myths (Based on the material of European literature of the first half of the 20th century). Moscow: MSU Publishing House, 308 p.
- Lebedev, I. V. (2015). Problema zhanrovoy klassifikatsii fentezi kak vida prikl'yuchcheskoy literatury = The problem of genre classification of fantasy as a type of adventure literature. *Knowledge. Understanding. Ability*, 3, 362–368. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.33. EDN UIWQWL.
- Levinton, G. A. (1997). Initsiatsiya i mify = Initiation and myths. *Myths of the peoples of the world (vol. 1. A–K)*, 543–544. Moscow.
- Martin, G. R. R., Garcia, E. M. Jr., Antonsson, L. (2014). The World of Ice & Fire: The Untold History of Westeros and the Game of Thrones. New York: Bantam Books, 492 p.
- Meshcheryakova, M. I. (1997). Russkaya detskaya, podrostkovaya i yunosheskaya proza vtoroy poloviny XX veka: problemy poetiki = Russian children's, adolescent and youth prose of the second half of the 20th century: Problems of poetics. Moscow: Megatron Publishing House, 382 p.
- Nevsky, B. (2004). Fentezi. Chisto russkaya raznovidnost' = Fantasy. A purely Russian variety. *The World of Fiction*, 11, 28–31.
- Paulus, P. J. (2018). Voploshchenie idey «skandinavskogo mifa» v kinovselennoy «Pesn' l'da i plameni» = The embodiment of the ideas of the “Scandinavian myth” in the film universe “A Song of Ice and Fire”. *Man and Culture*, 4, 31–45. EDN XYNJLV.
- Prikazchikova, E. E. (2021). Poetika mifa = Poetics of myth. Ekaterinburg: Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, 242 p. EDN AGNPVC.
- Sokolova, E. A. (2006). Cherty zhanra fentezi v russkoy literature = The features of the fantasy genre in Russian literature. *Europe. Russia. Province: Research in the field of literary and folklore processes*, 22–26. Shadrinsk: Iset Publishing House.
- Teplov, A. I. (2025). Sravnenie kosmologii i khronotopa v «Otbleskakh Eterny» V. Kamshi i «Pesne l'da i ognya» Dzh. Martina = Comparison of cosmology and chronotope in the Reflections of Eterna by V. Kamsha and The Song of Ice and Fire by J. Martin. *Siberian Philological Forum*, 1(30), 93–109. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-1-93-109. EDN MWDIWW.
- Tolkien, J. R. R. (2000). O volshebnykh istoriyakh = On magic stories. *Silmarillion*, 5–50. Moscow: AST Publishing House; Saint Petersburg: Terra Fantastica.
- Tolkien, J. R. R. (2001). O volshebnykh istoriyakh = On magic stories. *Silmarillion*, 419–526. Moscow: AST Publishing House; Saint Petersburg: Terra Fantastica.
- Winterle, I. D. (2012). Mif kak osnova literatury fentezi = Myth as the basis of fantasy literature. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 1-2, 37–39. EDN PHRQVN.
- Zlotnitsky, D. (2004a). Khroniki Artsii. Mir Very Kamshi = Chronicles of Artsia. The World of Vera Kamsha. *The World of Fiction*, 2, 56–58.
- Zlotnitsky, D. (2004b). Sozdatel'nitsa Artsii. Razgovor s Veroy Kamshoy = The creator of Art. Conversation with Vera Kamsha. *The World of Fiction*, 5, 16–17.

Данные об авторе

Приказчикова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Российская Федерация, г. Екатеринбург, miegata-logos@yandex.ru

Дата поступления: 11.01.2026; дата публикации: 31.03.2026

Author's information

Prikazchikova Elena Evgenievna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Russian Federation, Ekaterinburg

Date of receipt: 11.01.2026; date of publication: 31.03.2026